

На правах рукописи

Андреева Валерия Геннадьевна

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РУССКОГО РОМАНА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Кострома – 2017

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»; обсуждена на заседании Отдела русской классической литературы ФГБН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН».

Научный консультант:

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук

Официальные оппоненты:

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Федорова (Гаричева) Елена Алексеевна, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Сорочан Александр Юрьевич, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Защита состоится 23 марта 2017 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.209.02 при Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, Москва, ул. Поварская, 25-а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБН Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН: www.imli.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О. В. Быстрова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Русская литература второй половины XIX века достигла вершины своего развития, оказалась ареной для диалогов и споров, для проверки жизнеспособности различных мнений и суждений. Творчески освоив все лучшее, что было в русской и зарубежной культуре, испытав на себе влияние западных направлений, наша литература во второй половине XIX века смогла противопоставить веками хранимые народом ценности новым разлагающим личность веяниям цивилизации и активно внедряемой потребительской психологии. Русские писатели не случайно говорили о спасительной миссии нашей страны для всего мира, о хранимой ею подспудно праведной силе, доброте и справедливости.

«Противостоять расщеплению в художественной сфере духовных и психофизиологических влечений можно лишь в случае, когда самосознание личности и общества оказывается в состоянии найти такие интегративные духовные ценности, которые явились бы обобщением индивидуального и социального опыта в его историческом измерении. Для борьбы как со стандартизацией духовной жизни, так и с безудержной калейдоскопичностью необходимо обретение неких нерушимых начал бытия», – отмечает О.А. Кривцун.¹

Обращение к христианским, православным ценностям помогало нашим писателям выстраивать убедительные и незыблемые иерархии, а религиозное сознание позволило в полной мере воплотить в художественных мирах романов непостижимую тайну жизни. Однако русская литература никогда не удалялась от мира, наоборот, русский реализм являет нам примеры максимальной жизненности и полноты бытия. В задачи романистов не входило создание искусственных опытов, абстрактных картинок и отрешенных схем, их лучшие герои жили в мире и стремились к его преображению. «В нашей литературе национальная характерность – это всегда задаток личной красоты, но мало одной национальности по началу и происхождению, важно, чтобы герой всей дальнейшей своей жизнью поддерживал эти национально-народные мотивы своей личности, чтобы взятый от народа, он всю свою жизнь положил на возвращение к народу. Красота возрастает, когда она тратится, когда общение с народной силой не односторонне, когда оно постоянно, когда вся деятельность направлена на это общение».²

¹ Кривцун О.А. Эстетика как психология искусства. – М.: РГГУ, 1997. – С. 26.

² Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – С. 64.

Особенностью русской литературы второй половины XIX века становится одновременный интерес к вопросам общественным, экономическим, социально-политическим, проблеме выбора пути развития, движения с особым вниманием к духовной жизни, становлению и совершенствованию человека, его ответственности за свои действия и фактически за все, что происходит на земле. Русские писатели смогли прийти к прозрению скрытых, основополагающих законов жизни, воплощение которых в литературе и стало основой неповторимости и уникальности русского реализма. Внимательно наблюдая за происходящим вокруг, анализируя поступки людей, показывая полюсные точки зрения, наши романисты пришли к открытию бесконечного лабиринта сцеплений – сложного богатства жизни, ее устройства.

В русской литературе рассматриваемого периода мы можем констатировать различные взаимодействия художественных миров романов: многочисленные идейные, образные притяжения и отталкивания. Те споры, которые возникали между писателями явно, с широкой оглаской, на самом деле – только малая часть настоящего, глобального художественного диалога русских писателей, фактически еще не рассмотренного в литературоведении. На фоне жанровых классификаций русского романа до сих пор не показано его единство, существующее вопреки ранжированию писателей на творцов первого, второго и третьего ряда. Мы обосновываем и доказываем это единство, основанное на сходстве мировидения писателей, анализируя художественные тексты, до сих пор не введенные в научный оборот.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием современных работ, которые бы представляли целостный взгляд на русский реалистический роман. В науке ещё бытует мнение, что второстепенные писатели лишь «перпевают» мотивы произведений великих классиков. Мы считаем, что нередко бывает наоборот. Учет произведений писателей второго и третьего ряда поможет нам выработать концептуальный взгляд на роман указанного периода. В литературоведении существует достаточно большое количество работ, посвященных роману, реализму как направлению. Однако на фоне множества исследований, содержащих сведения о каком-либо одном писателе, его творческом пути, отдельных романах или, наоборот, академических трудов, созданных по хронологическому принципу описания истории русского романа с учетом персоналий, ощущается недостаток работ, посвященных целостному изучению романов второй половины XIX века.

Учитывая тот факт, что советское литературоведение было лишено возможности обратиться к религиозному сознанию наших писателей, найти глубинную основу появления новой жанровой формы, многие оценки творчества русских писателей и отдельных романов, данные в советское время, оказываются очень узкими и односторонними. К тому же предметом изучения литературоведов становились, как правило, первостепенные художественные произведения, шедевры русской классики, к писателям второго и третьего ряда ученые обращались меньше. Поэтому, как справедливо отметила Н.Н. Старыгина, в современном литературоведении очень актуальным оказывается «освоение не востребованных ранее художественных текстов»: «Этой тенденции современной филологии соответствует процесс “ревизии” стереотипных толкований и оценок как отдельных произведений, так и творческого наследия писателей и даже историко-литературных периодов».³

В данной работе мы учитываем разнонаправленные связи между произведениями писателей первого, второго и третьего ряда, обосновываем единство художественного комплекса, в который объединяются русские романы.

Определяя особенности русского реализма и аргументируя бессмысленность усложнения этого термина, мы анализируем поиски новой художественной формы, параллельно проводимые разными писателями (Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, И.А. Гончаровым, Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, А.Ф. Писемским, Д.В. Григоровичем, А.К. Шеллером-Михайловым, Н.А. Чаевым, С.Н. Терпигоревым, П.И. Мельниковым-Печерским, П.Д. Боборыкиным и др.). Мы обосновываем особую эпическую природу русского романа, утраченную к этому времени романом западноевропейским, а также необходимость закрепления этой природы за определением эпического роман, выявляем характерные черты указанного вершинного жанра второй половины XIX века.

На фоне многочисленных классификаций русских романов XIX века, множества романских определений, в отечественном литературоведении очень немного работ, для которых характерен целостный взгляд на роман определенного периода, избегающий излишне дробных классификаций. В погоне за делением романов на группы по разным признакам исследователи нередко теряют важнейшие смыслы, характерные для литературного процесса, особенно если это касается тематических определений.

³ Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 9.

«В многообразии жанровых определений романа просматриваются две большие группы: тематические определения – автобиографический, военный, детективный, документальный, женский, интеллектуальный, исторический, морской, политический, приключенческий, сатирический, сентиментальный, социальный, фантастический, философский, эротический и др.; структурные – роман в стихах, роман-памфлет, роман-притча, роман с ключом, роман-сага, роман-фельетон, роман-ящик (набор эпизодов), роман-река, эпистолярный и пр., вплоть до современных телеромана, фоторомана».⁴

В.А. Недзвецкий справедливо отметил, что типология, созданная с помощью романских определений, «в итоге оказывалась не только крайне дробной, но столь же и пестрой, что само по себе снижало, а то и сводило к нулю ее научную продуктивность». Исследователь считал, что «избежать этой опасности при квалификации русского романа можно лишь выявлением не внешних и случайных, а структурообразующих начал тех или иных разновидностей его формы, без которых они не могли бы ни возникнуть, ни существовать».⁵

Это абсолютно верное и справедливое замечание. Не умаляя значения различных классификаций, нередко очень важных для педагогических целей (при изучении курса русской литературы и других дисциплин), при представлении тематического богатства и многообразия романов определенного периода, мы видим необходимость комплексного исследования, направленного на уяснение единства русского романа второй половины XIX века.

Степень научной разработанности проблемы.

К сожалению, на фоне многочисленных ценных литературоведческих работ, посвященных отдельным писателям, эпохам в истории русской литературы, до сих пор в науке отсутствуют исследования, которые позволили бы оценить уникальность русской литературы нескольких десятилетий ее высшего расцвета, взглянуть на ее единство, абстрагируясь от устойчивых классификаций русских реалистических романов, которые нередко не позволяют провести верные и нужные параллели, ограничивая исследователя сопоставлением произведений внутри групп писателей и т.д.

Ценные наблюдения, касающиеся русского реалистического романа, были высказаны дореволюционными исследователями. Очень интересны в этом

⁴ Кожин В.В. Роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НП «Интелвак», 2001. – С. 891.

⁵ Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: Курс лекций. – М.: МГУ, 2011. – С. 15.

плане труды по истории русской литературы, особенно обширная «История русской литературы», вышедшая под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского.⁶ Примечательной попыткой целостного и достаточно объективного анализа русских романов указанного периода является книга К. Головина «Русский роман и русское общество».⁷

Однако ряд проблем в изучении русской литературы, наметившихся еще в XIX веке, не был решен в советское время.

Дореволюционные исследователи русского романа могли, например, отметить важность и значимость русского православия, оказавшего огромное влияние на наших писателей. Однако уже тогда литературоведами была утрачена способность целостного видения. Аналитические классификации, разделение романов на жанровые группы не способствовали синтезу, лишали исследователей обобщающего взгляда на русский роман как уникальное явление своего времени. Еще одной преградой на пути исследователей к уяснению национального своеобразия русского романа в его единстве стали жёсткие идеологические оценки художественных произведений. В XIX веке они были обусловлены близостью исследователей к объектам изучения, их желанием увидеть социальную основу рассуждений и взглядов писателей.

Выдающиеся литературоведы советского времени, проницательно улавливая необходимость такого художественного синтеза, как правило, ограничивались лишь констатацией важнейших тенденций развития русского романа. Академические труды по истории русской литературы в 10-ти томах,⁸ в 4-х томах,⁹ истории русского романа¹⁰ лишены целостного взгляда на русский роман. Они носят энциклопедический, информативный характер, основаны на хронологическом принципе. Главы этих объемных коллективных трудов написаны отдельными учеными, поэтому многие из них плохо связаны друг с другом. Некоторые главы отличаются тенденциозностью, завышенными оценками писателей-демократов, открыто высказывавших революционные идеи.

Особенно важными и значимыми являются немногочисленные работы советского периода, которые посвящены проблеме национального своеобразия

⁶ История русской литературы XIX века под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. В 5 тт. – М.: Мир, 1911.

⁷ Головин К. Русский роман и русское общество. – СПб.: Типография А.А. Пороховщикова, 1897. – 472 с.

⁸ История русской литературы: в 10 тт. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956.

⁹ История русской литературы: в 4 тт. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980–1983.

¹⁰ История русского романа в 2 тт. – М.; Л.: Наука, 1962, 1964.

русской литературы. Это работы Н.Я. Берковского,¹¹ Б.И. Бурсова,¹² Г.А. Бялого,¹³ Е.Н. Купреяновой и Г.П. Макогоненко и др.¹⁴

Важные наблюдения, сделанные авторами этих работ, к сожалению, иногда высказаны сжато, нередко они разрозненны и имеют характер замечаний по поводу. Но самое главное заключается в отсутствии внимания к тому «соборному единству русской литературы», которое рождается не только из согласий и дополнений писателями друг друга, но также из единства, проявляющегося в споре.

Осуществляя в данной работе попытку целостного взгляда на русский литературный процесс, выявляя ключевые национальные особенности русского романа второй половины XIX века, мы учитываем богатый опыт исследователей, обращавшихся к вопросам и темам, важным для нашей работы. Так, в данном исследовании мы опираемся на труды, посвященные определенным периодам в развитии русского романа. Это работы Э.Г. Бабаева,¹⁵ Н.А. Вердеревской,¹⁶ В.И. Кулешова,¹⁷ В.М. Марковича,¹⁸ В.Г. Одинокова,¹⁹ Г.Н. Поспелова,²⁰ Ю.В. Лебедева,²¹ Н.Н. Старыгиной²² и др.

В исследовании мы учитываем ценные материалы и выводы, сделанные авторами, долгое время изучавшими творчество какого-либо одного писателя, посвятившими масштабные исследования одному или нескольким произведениям определенного художника, рассмотрению каких-либо отдельных сторон литературного процесса. Работы Э.Г. Бабаева,²³

¹¹ Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. – 184 с.;

Берковский Н.Я. О русской литературе. Сб. статей. – Л.: Худ. лит., 1985. – 383 с.

¹² Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 396 с.

¹³ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 640 с.

¹⁴ Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. – Л.: Наука, 1976. – 416 с.

¹⁵ Бабаев Э.Г. Из истории русского романа XIX века. Пушкин, Герцен, Толстой. – М.: МГУ, 1984. –

272 с.; Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. – М.: МГУ, 1978. – 294 с.

¹⁶ Вердеревская Н.А. Русский роман 40–60-х годов XIX века. – Казань: Казанский университет, 1980. – 136 с.

¹⁷ Кулешов В.И. Русская демократическая литература 50–60-х годов XIX века. – М.: Высш. шк., 1989. – 151 с.

¹⁸ Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. – Л.: ЛГУ, 1982. – 208 с.

¹⁹ Одинокое В.Г. Поэтика русских писателей XIX века и литературный прогресс. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987. – 155 с.; Одинокое В.Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – 192 с.

²⁰ Поспелов Г.Н. Эпоха расцвета критического реализма: Из курса лекций по истории русской литературы 40–60-е гг. XIX в. – М.: МГУ, 1958. – 251 с.

²¹ Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века: Вторая половина. – М.: Просвещение, 1990. – 286 с.

²² Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.

²³ Бабаев Э.Г. Анна Каренина Л. Н. Толстого. – М., Худ. лит., 1987. – 158 с.

А.И. Батюто,²⁴ М.М. Бахтина,²⁵ С.Г. Бочарова,²⁶ Б.И. Бурсова,²⁷ Ю.В. Манна,²⁸ А.П. Могилянского,²⁹ Л.Д. Опульской,³⁰ Н.И. Пруцкова,³¹ И.В. Столяровой,³² А.Г. Цейтлина³³ и других исследователей содержат важные наблюдения за творческим развитием отдельных русских романистов.

В.А. Недзвецкий, описывая задачи и перспективы будущей истории русского романа XIX века, отметил: «Мы имеем в виду современную, научно концептуальную историю русского “эпоса нового времени” (В. Белинский) во всех его разновидностях, как они становились, бытовали и эволюционировали в течение “золотого века” русской литературы, где относительно скоро стали ее ведущей родовой формой и главным художественно-эстетическим достижением».³⁴ Но, по нашему мнению, наряду с генезисом разных форм романа, необходим целостный взгляд на «эпос нового времени» в свете его национальных, жанровых, идейных особенностей.

Объектом исследования являются жанровые поиски писателей, сущность и характер русского реализма второй половины XIX века, совокупность и диалогическое единство романов русских писателей разного уровня мастерства.

Материалом исследования стали многочисленные романы русских писателей второй половины XIX века, а также ряд их критических статей, публицистических трудов и писем. Некоторые из романов, как первостепенные, так и второстепенные, анализируются в работе подробно в ходе характеристики такого жанрового определения как эпический роман, выявления его основных признаков, а также особенностей русского реализма указанного периода, процесса творческого взаимодействия писателей. Это романы П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», «Китай-город», «Василий Теркин», Д.В. Григоровича

²⁴ Батюто А.И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы в 4 тт. Т. 3. – С. 279–314.

²⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 320 с.

²⁶ Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». – М.: Худ. лит., 1987. – 156 с.; Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.

²⁷ Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. – М.–Л.: АН СССР, 1963. – 152 с.

²⁸ Манн Ю.В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 241–305.

²⁹ Могилянский А.П. Писемский: Жизнь и творчество. – Л.: ЛИО Редактор, 1991. – 160 с.

³⁰ Опульская Л.Д. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». – М.: Просвещение, 1987. – 176 с.

³¹ Пруцков Н.И. Литературно-общественное движение 60-70-х годов // История русской литературы: В 4-х тт. Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – С.7–47.

³² Столярова И.В. Роман-хроника Лескова // История русского романа в 2 ч. Ч. 2. – М.–Л.: Наука, 1964. – С. 416–438.

³³ Цейтлин А.Г. Мастерство Тургенева-романиста. – М.: Сов. писатель, 1958. – С. 259–263.

³⁴ Недзвецкий В.А. Русский роман XIX века: спорные и нерешенные вопросы жанра. – М.: МГУ, 2013. – С. 194.

«Рыбаки», «Переселенцы»; В.В. Крестовского «Кровавый пух», «Вне закона»; М. Криницкого «Узкий путь»; И.А. Кушневского «Николай Негорев, или благополучный россиянин»; Н.С. Лескова «Взбаламученное море», «На ножах»; Б.М. Маркевича «Забытый вопрос»; П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах», И.В. Омуровского «Шаг за шагом»; А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», «В водовороте», «Мещане»; К.М. Станюковича «Без исхода», С.Н. Терпигорева «Оскудение»; Л.Н. Толстого «Анна Каренина»; И.С. Тургенева «Дым»; Н.А. Чаева «Подспудные силы»; А.К. Шеллера-Михайлова «Господа Обносковы», «Чужие грехи», «Над обрывом».

Ряд романов анализируется с точки зрения идейно-смысловых акцентов и жанровой принадлежности при выявлении сложного полилога русских романистов. Это романы В.Г. Авсеенко «Из-за благ земных», «Млечный путь», «Скрежет зубовой», «Злой дух»; Ф.М. Достоевского «Подросток», Н.С. Лескова «Соборяне»; Б.М. Маркевича «Четверть века назад», «Перелом», «Бездна».

Отдельные романы, изученные и проанализированные при подготовке диссертации, рассматриваются в связи с уяснением позиций писателей, их взглядов на важнейшие проблемы русской жизни. Перечислим некоторые из них: В.П. Авенариус «Поветрие»; В.И. Аскоченский «Асмодей нашего времени»; И.А. Гончаров «Обрыв»; Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»; В.П. Ключников «Марево»; Д.Н. Мамин-Сибиряк «Приваловские миллионы», «Горное гнездо»; В.Г. Старостин «Наше счастье» и др.

В ходе аналитического описания широкого круга романов писателей первого, второго и третьего ряда, исследования процесса их объединения на основе творческого взаимодействия, полемики и диалога, в работе представлена целостная картина динамики отечественного романа.

При значительном объеме проанализированных романов, в связи с ограниченными рамками исследования, мы не ставили задачу полного описания всех произведений указанного периода. Отбор романов, явившихся материалом исследования, проводился с учетом необходимости наиболее четкого прояснения того, как формировалась на русской почве жанровая доминанта эпического романа, как складывались художественные комплексы романов. Отбор осуществлялся также с учётом идейно-тематических направлений, получивших значительное освещение в нашей работе.

Предметом исследования является вершинный жанр русской литературы второй половины XIX века – эпический роман, наджанровое

единство русского романа указанного периода и сложный художественный полилог писателей.

Гипотеза исследования: русский роман второй половины XIX века является уникальным и национально-самобытным явлением русской литературы. В отличие от литературы Западной Европы русский роман сохраняет эпическую доминанту и демонстрирует не только признаки распада эпоса, но и симптомы возрождения его на новых духовно-нравственных основах. Практически все романы второй половины XIX века, сохраняя эпический фундамент, тяготеют к объединению в единый художественный комплекс, поддерживаемый не только художественными связями и сцеплениями, генетическими и типологическими переключками, но и диалогом писателей между собою.

Цель исследования – выявление национального своеобразия русского реалистического романа второй половины XIX века.

Указанная цель подразумевает ряд **задач работы**:

– описать универсальную сущность русского реализма второй половины XIX века;

– проанализировать предпосылки появления новой художественной формы – эпического романа;

– перечислить основные художественные особенности и признаки эпического романа и сформулировать значение этого понятия;

– показать, что проблемы метода, поиска жанровой формы и нового героя вставали перед каждым из писателей, вне зависимости от его общественно-политических воззрений;

– провести системный и целостный анализ русских романов на фоне стремления писателей к наиболее полному воплощению всех свойств эпического романа;

– осветить единый круг тем и идей, характерных как для классиков русской литературы, так и для писателей второго и третьего ряда;

– отметить сложные взаимодействия между русскими романистами, процессы творческого освоения классиками находок беллетристов и подражания писателей второго и третьего ряда корифеям русской литературы;

– подчеркнуть существование диалога и полемики русских романистов по ряду важнейших проблем, актуальных для указанного нами времени;

– рассмотреть полилог русских писателей, способствовавший появлению единого художественного комплекса романов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1) в работе впервые обосновывается связь и взаимная обусловленность таких понятий, как реализм, эпическая доминанта русского романа, личность, рассматриваются особенности их понимания русскими писателями и значимость в определении своеобразия отечественного романа второй половины XIX века;

2) нами описывается и на примере анализа ряда ключевых романов указанного периода анализируется такое жанровое явление, как эпический роман;

3) подробно отмечаются ключевые моменты сопряжения классики и беллетристики, процессы творческого заимствования и освоения, рассматриваются явные и скрытые художественные взаимодействия между мирами произведений;

4) выявляются идейные столкновения русских романистов по актуальным вопросам своего времени;

5) определяется ряд ключевых тем, оказавшихся в центре диалога русских писателей;

6) показывается тенденция к объединению русских романов второй половины XIX века в единый художественный комплекс, русские романы рассматриваемого периода впервые анализируются в совокупности, без условных жанровых классификаций;

7) в процесс исследования включаются романы второй половины XIX века, долгое время остававшиеся без внимания литературоведов и лишь бегло упоминавшиеся в академических историях литературы.

Методы исследования обусловлены необходимостью выявления сходств и различий во мнениях и убеждениях писателей, глубоким и основательным подходом к изучению ключевых признаков и особенностей строения литературного произведения крупной формы.

Уделяя большое внимание идеям общественной жизни рассматриваемого периода русской литературы, которые оказались одним из оснований для объединения романов разных писателей, мы применяем культурно-исторический метод.

В работе используются методы системного и целостного анализа литературного произведения, наиболее значимые при написании параграфов второй главы, представляющей разнообразные законченные анализы эпических романов.

В диссертации применяются структурный, герменевтический, историко-типологический и историко-генетический методы, а также метод сравнительного анализа.

Отдельное внимание в работе уделяется методологии «чужого слова» М.М. Бахтина и онтологической поэтике как глубинному анализу текста.

Теоретико-методологическая основа диссертации.

Теоретической основой диссертации являются труды А.М. Гуревич,³⁵ Л.Е. Пинского,³⁶ Г.Н. Поспелова,³⁷ У.Р. Фохта,³⁸ Г.М. Фридендера³⁹ и др, содержащие важные сведения и выводы о русском реализме, его становлении и развитии. На основе открытий исследователей мы обобщаем уже имеющиеся в литературоведении материалы, выявляя национальное своеобразие русского реализма.

Исследования М.М. Бахтина,⁴⁰ В.А. Беглова,⁴¹ В.Е. Ветловской,⁴² Ф.Т. Гриффитса и С.Дж. Рабиновича,⁴³ В.В. Кожина,⁴⁴ Н.Л. Лейдермана,⁴⁵ Г. Лукача,⁴⁶ В.А. Недзвецкого,⁴⁷ В.Г. Одинокова,⁴⁸ Н.Н. Старыгиной,⁴⁹ Н.Д. Тамарченко,⁵⁰ А.В. Чичерина,⁵¹ А.Я. Эсалнек,⁵²

³⁵ Гуревич А.М. Динамика реализма (в русской литературе XIX века). – М.: ГИТИС, 1994. – 88 с.

³⁶ Пинский Л.Е. Реализм эпохи Возрождения. – М.: Худ. лит. – 368 с.

³⁷ Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М. Просвещение, 1972. – 272 с.; Поспелов Г.Н. Эпоха расцвета критического реализма: Из курса лекций по истории русской литературы 40-60-е гг. XIX в. – М.: МГУ, 1958. – 251 с.

³⁸ Фохт У.Р. Пути русского реализма. – М.: Сов. писатель, 1963. – 264 с.

³⁹ Фридендер Г.М. Литература в движении времени. – М.: Современник, 1983. – 300 с.;

Фридендер Г.М. Поэтика русского реализма: Очерки о русской литературе XIX века. – Л.: Наука, 1971. – 293 с.

⁴⁰ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.

⁴¹ Беглов В.А. Эпопея в русской литературе XIX–XX веков: становление и трансформации: дис. ... докт фил наук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/epopeya-v-russkoy-literature-xix-xx-yy> (дата обращения: 10.08.2016)

⁴² Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. – СПб.: Наука, 2002. – 216 с.

⁴³ Гриффитс Ф.Т., Рабинович С.Дж. Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / пер с англ. Е.Г. Рабинович. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 336 с.

⁴⁴ Кожин В.В. Происхождение романа. – М.: Советский писатель, 1963. – 439 с.

⁴⁵ Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 256 с.

⁴⁶ Лукач Г. Теория романа. Опыт историко-философского исследования форм большой эпики // Новое литературное обозрение. – 1994. – №9. – С. 19–78. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mesotes.narod.ru/lukacs/teoriaromana/tr-2.html> (дата обращения: 18.04.2014)

⁴⁷ Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: Курс лекций. – М.: МГУ, 2011. – 152 с.; Недзвецкий В.А. Русский социально-универсальный роман XIX века. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 262 с.

⁴⁸ Одинок В.Г. Поэтика русских писателей XIX века и литературный прогресс. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1987. – 155 с.; Одинок В.Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – 192 с.

⁴⁹ Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 352 с.

посвященные проблемам жанра, вопросу соотношения романа и эпопеи, их полюсного противопоставления или, наоборот, возможного объединения на русской почве послужили основой наших размышлений о жанровых поисках русских писателей, об эпическом романе как вершинном жанре в русской литературе второй половины XIX века и его особенностях.

Труды С.Г. Бочарова,⁵³ А.С. Бушмина,⁵⁴ Г.Д. Гачева,⁵⁵ В.Я. Линкова,⁵⁶ Д.С. Лихачева,⁵⁷ П.В. Палиевского,⁵⁸ А.П. Скафтымова⁵⁹ и других ученых, посвященные преемственности в развитии литературы, проблемам целостного анализа художественных произведений, содержательности художественных форм, работы Н.Л. Вершининой,⁶⁰ И.А. Гурвич,⁶¹ В.М. Марковича,⁶² содержащие важные наблюдения о соотношении классики и беллетристики, явились основой аналитических сопоставлений художественных миров романов, способствовали обнаружению переключек, генетических и типологических связей и их природы.

Теоретической основой исследования необходимо также считать труды русских философов и религиозных мыслителей (Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, А.С. Хомякова), идеи которых чрезвычайно важны, поскольку русская литература немыслима в отрыве от философии, истории общественной мысли, религиозных, православных

⁵⁰ Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. – М.: РГГУ, 1997. – 208 с.; Тамарченко Н.Д. Типология реалистического романа. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 195 с.

⁵¹ Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. – М.: Сов. писатель, 1975. – 376 с.

⁵² Эсалнек А.Я. Своеобразие романа как жанра. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 79 с.; Эсалнек А.Я. Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). – М.: МГУ, 1991. – 159 с.

⁵³ Бочаров С.Г. О художественных мирах. – М.: Сов. Россия, 1985. – 296 с.

⁵⁴ Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л.: Худ. лит., 1978. – 224 с.

⁵⁵ Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. – М.: Искусство, 1981. – 247 с.; Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.

⁵⁶ Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях. – М.: МГУ, «Печатные традиции», 2008. – 192 с.

⁵⁷ Лихачев Д.С. Литература – Реальность – Литература. – Л.: Сов. пис., 1984. – 271 с.

⁵⁸ Палиевский П.В. Литература и теория. – М.: Современник, 1978. – 284 с.; Палиевский П.В. Русские классики. – М.: Худ. лит., 1987. – 239 с.

⁵⁹ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. – М.: Худ. лит., 1972. – 544 с.

⁶⁰ Вершинина Н.Л. Нравописание в русской прозе XIX–XX веков. – Псков: Псковский гос. пед. ун-т, 2008. – 128 с.; Вершинина Н.Л. Роман как явление беллетристики: «забытое» и «второстепенное» // «Забытое» и «второстепенное» в жанре романа XVIII–XX веков. – Псков: Логос Плюс, 2010. – С. 6–39.

⁶¹ Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века. – М.: Российский открытый университет, 1991. – 90 с.

⁶² Маркович В.М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века // Освобождение от догм. История русской литературы: Состояние и пути изучения: в 2 т. Т. 1. – М.: Наследие, 1997. – С. 241–249.

убеждений. Ряд работ В.Н. Аношкиной-Касаткиной,⁶³ М.М. Дунаева,⁶⁴ И.А. Есаулова⁶⁵ послужил основой для диалога по поводу религиозной сущности русской литературы.

Методологической основой диссертации являются труды М.М. Бахтина,⁶⁶ М.М. Гиршмана,⁶⁷ В.М. Жирмунского,⁶⁸ Л.В. Карасева,⁶⁹ Ю.М. Лотмана,⁷⁰ И.Г. Неупокоевой,⁷¹ С.И. Сухих,⁷² М.Б. Храпченко,⁷³ Б.М. Эйхенбаума⁷⁴ и др.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении национального своеобразия русского романа второй половины XIX века, в раскрытии сложных литературных связей и взаимодействий между классикой и беллетристикой, в выявлении и описании единства русского романа на основе присущей ему универсальной жанровой доминанты – «эпический роман».

Практическая значимость исследования связана с новым, целостным взглядом на своеобразие русского романа второй половины XIX века, в котором эпическая жанровая доминанта присуща всем тематическим и структурным его разновидностям. Выводы и материалы работы могут использоваться в курсе русской литературы, послужить источником для создания спецкурсов и пособий по истории русского романа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Русский реализм второй половины XIX века имеет синтетическую природу: он освоил и принял все лучшее и жизненное из других направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма) и отличается универсальностью,

⁶³ Аношкина-Касаткина В.Н. Православные основы русской литературы XIX века. – М.: Пашков дом, 2011. – 384 с.

⁶⁴ Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. IV. – М.: Христианская литература, 1998.

⁶⁵ Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 288 с.

⁶⁶ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 502 с; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

⁶⁷ Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.

⁶⁸ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 461 с.

⁶⁹ Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. – М.: Изд. центр РГГУ, 1995. – 104 с.

⁷⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

⁷¹ Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976. – 520 с.

⁷² Сухих И.С. Методология литературоведения: комплексный и системный методы анализа литературы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – С. 298–303.

⁷³ Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Сов. писатель, 1982. – 416 с.

⁷⁴ Эйхенбаум Б.М. О прозе. – М.: Худ. лит., 1969. – 503 с.

объясняемой активным обогащением реализма художественным натурализмом, научными и этнографическими элементами, романтическими веяниями. Но при этом термин «реализм», обозначающий литературное направление, обладает особой смысловой емкостью и не требует каких-либо уточняющих определений и дополнений.

2) Отличительной особенностью русского реализма, по сравнению с реалистической литературой Запада, является совмещение интереса к социальным вопросам, психологии героев, актуальным проблемам современности с постоянной думой об идеале, о будущем своей страны, о проблемах смерти и бессмертия, временного и вечного, иного бытия, Бога.

3) Русские писатели смогли снять противоречие между классическими формами древнего эпоса и новыми формами романа, которое возникло в ходе развития западноевропейской литературы, придать конфликтности между личностью и обществом, героем и народом диалектический характер.

4) Во второй половине XIX века в русской литературе складываются благоприятные условия для развития эпических начал в отечественном романе, которые помогают по-новому раскрыть возможности человека и реализовать огромный потенциал реализма.

5) Эпическая доминанта становится вершинным явлением жанровой формы русского романа, обусловленным коллективным сознанием русского народа, его соборностью. Эпичность жанрового мышления русских романистов в значительной мере определяется также их христианским миропониманием.

6) В русской литературе второй половины XIX века возникает сложная система переключек и взаимодействий между произведениями писателей первого, второго и третьего ряда, которая поддерживается разнонаправленными связями, богатством различных художественных заимствований, освоений, творческих переработок.

7) Несмотря на деления русских романистов на лагеря, группы по убеждениям, направления, они создавали гармоничный и единый художественный комплекс, творили эпос нового времени.

8) В литературном процессе второй половины XIX века формируется особое художественное единство русских романов, основанное на общих эпических началах. Это единство скрепляется общим кругом проблем, рассматриваемых русскими романистами. Оно порождается открытыми и скрытыми диалогами писателей, перерастающими в споры. В процессе этих споров возникают творческие взаимодействия, которые порождают сложный

художественный синтез, отражающий противоречия живой жизни и содержащий наиболее важные и ценные проекции будущего развития России.

Диссертация соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.01 – «Русская литература», в частности следующим его пунктам: п.3 – История русской литературы XIX века (1800–1890-е годы); п.7 – биография и творческий путь писателя; п.8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п.9 – индивидуально-писательское и типологическое выражение жанровостиловых особенностей в их историческом развитии; п.18 – Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

Апробация работы. Основные положения диссертации представлялись в докладах и выступлениях на международных научных конференциях: в Липецком государственном педагогическом университете (Липецк, 2007 г.), Тульском государственном педагогическом университете (Тула, 2008, 2010, 2012, 2014 гг.), Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова (2007–2016 гг.), Петрозаводском государственном университете (Петрозаводск, 2014 г.), Краснодарском государственном университете культуры и искусств (Краснодар, 2015 г.)

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 416 наименований. Общий объем работы составляет 497 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, его новизна, отмечена степень научной разработанности проблемы, а также цель, задачи, объект и предмет изучения; раскрыта структура диссертации, описана методология, представлены теоретико-методологические основы работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, указаны теоретическая и практическая значимость исследования и приведены сведения об апробации работы.

Первая глава диссертации *«Реализм, эпические начала и личность в русских романах второй половины XIX века»* содержит теоретические рассуждения о русском реализме как направлении, русском романе как вершинном жанре второй половины XIX века. Реализм, эпическая доминанта русского романа и личность становятся тремя столпами, особо значимыми для развития русской литературы и, собственно, определяющими ее развитие.

Указанные три понятия обуславливают существование друг друга и по-своему сходно проявляют себя в литературном процессе. В этот период реализм становится ведущим направлением, он аккумулирует художественные открытия сентиментализма и романтизма, осваивает достижения общественных наук, оставаясь при этом самим собой.

Подобная же ситуация происходит и с эпическим романом как центральным жанром указанного времени. Во-первых, появление русского романа, как нового, синтетического жанра, оказывается возможным только в эпоху расцвета реализма. Эпические начала в отечественном романе определяют его жанровое своеобразие на фоне западноевропейских литератур. Русские романисты открывают в романе эпическую доминанту, которая способна вовлечь в романическое повествование всю полноту жизни, охватив масштабный временной и пространственный промежуток. Во-вторых, аналогично реализму в системе литературных направлений, эпические тенденции в романе гармонично аккумулируют особенности других жанров, драматических и лирических.

Синтезирующую роль играет в литературе этого периода и личностный аспект, как бы стягивающий воедино все три рассматриваемые понятия. Личность в литературе XIX века ставится в центр событий, всё внимание отдано ей, её чувствам, мыслям и переживаниям. Но литература не замыкается на человеке, а через него выходит в мир.

В первом параграфе главы *«Сущность и характер русского реализма второй половины XIX века»* мы останавливаемся на понятии реализм, описываем универсальную, глубинную сущность этого направления, раскрывшуюся наиболее полно именно в русской литературе второй половины XIX века. Подчеркивая неуместность рассуждений о разных типах реализма указанного периода, мы считаем, что любые уточняющие и дополняющие определения будут лишь сужать и ограничивать наше понимание реализма. Одна из ошибочных тенденций состоит в искусственном расширении верно сделанных локальных определений. Так происходит с термином «духовный реализм», принятом для описания художественного метода некоторых писателей начала XX века, в частности, Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева, но распространяемом также на творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Мы разделяем призыв В.Е. Хализева к очищению термина «реализм» «от примитивных и вульгаризаторских напластований».⁷⁵ Именно реалистичность изображения, найденная русскими писателями уникальная пропорция в

⁷⁵ Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 401.

представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который и в жизни явлен не в виде чудес, а в виде трудно и долго прозреваемых людьми совпадений, оказываются проявлением высшего уровня мастерства писателя. Особенностью русского реализма XIX века явилось уникальное совмещение интереса к социальным вопросам, психологии героев, поведению человека в определенных ситуациях с интересом не просто к вечным проблемам (они ведь тоже оказываются важны как раз в рамках земного пути), а к проблеме иного бытия, существования Бога и возможности его воздействия на судьбы людей.

Второй параграф «Эпическая доминанта в русском романе второй половины XIX века» посвящен анализу природы русского романа. Эпический роман является особой жанровой характеристикой, свойственной многочисленным романам второй половины XIX века. И в данном случае лексема «эпический» не является избыточной, она не просто подчеркивает принадлежность романа к определенному роду литературы, но передает его уникальную широту и масштабность, выражает точку зрения писателя на мир, его концепцию бытия. Эпический роман – это особая жанровая форма русского романа второй половины XIX века, не отвергающая имеющиеся в литературе жанровые классификации романов, но поднимающаяся над ними, подразумевающая не разрушение жанра, а утверждение особой глубины и цельности русских романов в их единстве.

Русские писатели смогли диалектически снять противоречие, возникшее в ходе развития западноевропейской литературы между классическими формами древнего эпоса и новыми формами романа. Глубоко и всесторонне осваивая достижения западноевропейского романа, удерживая свойственную ему конфликтность во взаимоотношениях личности и общества, русская литература придала этой конфликтности диалектический характер. Указанный конфликт в русском романе преодолевается, жанровые рамки западноевропейского романа раздвигаются и обретают утраченные эпические горизонты. Русские писатели смогли совместить в рамках одного жанра «высокое» и «низкое», гармонично соединить текущую жизнь без начала и конца с героическим и историческим преданием о жизни народной.

Мы обозначаем внешние предпосылки появления эпического романа: стремительное развитие страны во всех областях, православный характер русской литературы, содержащей систему незыблемых ценностей и идеалов, протяженность Российской империи, особую коллективную сущность русского народа. Отмечая факт освоения русской литературой многочисленных находок и открытий литературы западноевропейской, мы доказываем, что на русской

почве с ее содержанием не могли быть привиты жанры европейской литературы, в России, с принципиально иными отношениями между людьми, между человеком и обществом, со своими идеалами и мечтами жанр стандартного европейского романа оказался узким, однолинейным.

Мы считаем очень точной и убедительной мысль А.В. Чичерина о звеньях в системе повествовательных жанров. «...Роман-эпопея – это следующее звено в системе повествовательных жанров, естественное развитие и завершение реалистической прозы: *рассказ, повесть, роман и – роман-эпопея*». ⁷⁶ По нашему мнению, эта система повествовательных жанров в применении к *отечественной литературе* должна быть дополнена еще одним звеном: рассказ, повесть, роман, *эпический роман*, роман-эпопея. Эпический роман является истинно русским явлением, его возникновение обусловлено особенностями русской жизни, русского мировоззрения.

Западноевропейская литература оказалась лишенной двух важнейших идейно-мировоззренческих основ, которые на русской почве способствовали появлению эпического романа. Первая основа заключается в противопоставлении рассудка верующему разуму, вторая – в особой коллективной сущности русской жизни, в неведомой западноевропейскому человеку соборности. Именно русская литература в непростое для России и мира время взяла на себя миссию воссоздания гармонии. Н.Д. Блудилина, рассуждая о восприятии русскими писателями XVIII века образов и идей Западной Европы, пишет о «сострадающем переживании чужой культуры». Более того, исследовательница очень тонко и верно отмечает миссию русской литературы, которая, разумеется, была во многом реализована именно в XIX веке: «Зачем нам было нужно такое сострадающее переживание чужой культуры? Возможно, это был наш русский путь к воссозданию гармонии мира, в том числе к воссоединению распавшегося христианского мира, к приобретению и возвращению духовной общности с ушедшими от нас в своем историческом формировании западными братьями во Христе. И русский дух не только опровергал или отвергал решения и погрешности в западном развитии, но успешно преодолевал и превосходил в новом творческом делании – в становлении новой национальной литературы». ⁷⁷

В литературе второй половины XIX века возникает особое наджанровое единство, под которым мы понимаем совокупность русских романов второй

⁷⁶ Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. – М.: Сов. писатель, 1975. – С. 44.

⁷⁷ Блудилина Н.Д. Запад в русской литературе XVIII века: автореф. дис. ... докт. фил. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 38.

половины XIX века в их идейно-тематической и художественной взаимосвязи, в общем стремлении русских писателей к новой форме – эпическому роману. Осмысление наджанрового единства позволяет нам выделить основные особенности эпического романа, прояснить жанрообразующие факторы анализируемых произведений. Русских писателей интересует одновременно и судьба героя, личности, и процессы, происходящие в обществе, причем наши романисты искали героя-деятеля, человека, способного к саморазвитию, самосовершенствованию, активному преобразованию мира. В эпическом романе присутствуют иерархии героев, контрасты, художественный мир эпического романа содержит своеобразную тотальность системы понятий, мудро установленную шкалу ценностей. Автор эпического романа осознает или чувствует принятую им ответственность объективного и правдивого изображения мира, незамутненной передачи цепочки событий не просто в их причинно-следственной взаимосвязи, но в окружении того дивного ореола из совпадений, открытий, происшествий, которые и раскрывают присутствие в нашей жизни Божественной воли. В эпическом романе, по Пушкину, ум человеческий «не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая – мощного мгновенного орудия Провидения».⁷⁸ Еще одной отличительной чертой эпического романа является широта повествования – географическая, временная, событийная, наличие глобальных, масштабных конфликтов, массовидность. Примечательно в эпических романах и упоминание о временах создания прежних эпосов.

В третьем параграфе «*Человек, его роль, значение и место в русском реалистическом романе*» констатируется, что основой русского реализма и эпического романа является особое, отличное от европейского понимание человека, его места и роли в жизни страны, мира, и даже Вселенной. Личность для русского писателя – необыкновенно сложный и постоянно изменяющийся мир, изучению которого можно посвятить множество времени и сил, но для русских писателей человек не значим как единица, в отрыве от большого мира. Ни один из героев русской литературы не думает только о своей выгоде, о своей персоне. И то духовное самосовершенствование, которое ведет у русских писателей человек, не значит совершенно ничего в отрыве от мира, от человечества. Вспомним, к примеру, капитана Тушина из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, действия которого на поле боя оказываются лучшими из возможных в подобной ситуации. Своеобразным подвигом, совершаемым во

⁷⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Т. 7. М.: Наука, 1964. – С. 144.

искупление прошлых грехов, является послушание красавицы Феоктисты в романе Н.С. Лескова «Некуда», а также жизнь и деяния настоятельницы Манефы и ее дочери Фленушки, жертвующих личным счастьем, чтобы найти высшую радость в сохранении своей веры («В лесах» и «На горах» П.И. Мельникова-Печерского).

В самые напряженные и ответственные моменты жизни, как показывают русские писатели, народ наш становится причастен сознанию соборного единства, того в некоторой степени мистического чувства, которое выводит человека из обособленности, замкнутости. Несмотря на то, что чувство соборности не проявляется в каждом поступке и действии героев русской литературы, оно является обязательной составляющей идеала жизни и поведения.

Разное отношение к человеку определяет и динамику художественных форм в России и на Западе. Западноевропейские писатели второй половины XIX века пытаются представить человечество как сложную систему. Однако система эта у них не одухотворена изнутри; главной задачей оказывается рассмотрение ее состава и строения, но не сложных процессов, происходящих внутри системы и закономерностей, которым эти процессы подчинены. Так, в «Предисловии к “Человеческой комедии”» О. де Бальзак отмечает, что идея его произведения родилась из сравнения человечества с животным миром. В отличие от западноевропейских писателей, которые побуждали своего героя брать все новые и новые вершины успешной жизни, преодолевать трудности ради положения в обществе, ради внешнего процветания, русские писатели, в первую очередь, радели о нравственном совершенствовании человека. В то время как западноевропейские художники поставили человека в центр изображения, сделали его точкой отсчета художественного мира, русские писатели соотносили человека и народный мир, для них ценность жизненного пути заключалась в творческом преображении мира.

Во второй главе «*Особенности русского реалистического романа второй половины XIX века*» показывается, каким образом упомянутые выше три ключевых момента (особенность направления, уникальность жанра и отношение к человеку) поддерживают свод каждого романа, что указанные процессы и факты подтверждаются романами второго и третьего ряда, практически всей второстепенной литературой. Благодаря анализу ряда произведений мы обнаруживаем смысловое и проблемное единство русского реалистического романа рассматриваемого периода, одинаковую заинтересованность одними и теми же вопросами писателей разных

общественных убеждений, показываем, что проблема метода, жанра и героя вставала перед каждым из русских романистов.

Первый параграф «Соотношение классики и беллетристики и единый круг проблем, поднимаемых писателями разных направлений» призван подчеркнуть те уровни и параметры сопоставлений, которые используются нами при анализе романов, основные процессы, характерные для развития романа как жанра во второй половине XIX века.

Отдельное внимание уделяется нами антинигилистическому роману и переосмыслению этого понятия. Антинигилистические романы в советское время считались произведениями реакционно-охранительными; они рассматривались литературоведами как произведения третьего ряда, не стоящие внимания и пристального изучения, как романы низкопробные, крайне тенденциозные. Рассуждая об эволюции русского нигилиста, прекрасно описанной Н.С. Лесковым в романах «Некуда» и «На ножах», рассматривая объяснение сущности нигилизма, данное В.Г. Авсеенко, мы показываем неоднозначное и сложное понимание термина «нигилизм», подчеркиваем художественное мастерство авторов антинигилистических романов, содержащих все характерные особенности такой жанровой характеристики, как эпический роман.

Многие названия «антинигилистических» романов («На ножах» Н.С. Лескова, «Скрежет зубовный», «Злой дух» В.Г. Авсеенко) замечательно передают ту скрытую и явную борьбу, которая происходила в целой стране, между отдельными людьми. Эта борьба, как показывают нам писатели, утратила чисто политический характер и переросла в идеологическую и смысловую войну. На фоне относительной свободы, развития буржуазных отношений, быстрого обогащения отдельных людей многими были утеряны понятия о нравственности, чести, долге. На смену нигилистам-идеологам, идеализировавшим свободу личности, равенство, право распоряжаться своей судьбой, пришли новые нигилисты, люди без принципов и правил, главной задачей которых стало стремление к наживе. Именно от таких людей без чести и совести предостерегали окружающих многие авторы «антинигилистических» романов, стараясь обратить читателей к вечным ценностям, во многом подготавливая появление романов наших первостепенных писателей или сопровождая рождение шедевров русской классической литературы, разрабатывая определенные темы, открывая новые границы изображения и новые смыслы.

Второй параграф «Правда жизни в художественном мире русского романа» посвящен анализу ряда второстепенных романов, наблюдению за отражением в их художественных мирах особой полноты жизни и воплощению в произведениях актуальных вопросов русской действительности. Одной из важнейших проблем, поднятых как классиками, так и беллетристами, стала проблема оскудения дворянских гнезд, финансового и морально-нравственного упадка дворян. Н.А. Чаев, А.Ф. Писемский, А.К. Шеллер-Михайлов, С.Н. Терпигорев представляют нам правдивое изображение русской жизни, в которой указанный процесс оскудения становится все более быстрым и ощущаемым. Русские писатели пытаются противопоставить этому процессу распада незыблемые основы, подспудно хранимые русской жизнью и русским народом, указать путь к тому идеалу, который в художественном мире романа приходится собирать по крупицам.

Раздел 2.1. «Н.А. Чаев “Подспудные силы”» содержит системный анализ малоизвестного, но очень интересного произведения – романа Н.А. Чаева «Подспудные силы». Те внутренние сцепления, без которых немислимо ни одно настоящее художественное произведение, в особенности эпический роман, в «Подспудных силах» прослеживаются на уровне глобальных обобщений, одного необыкновенно емкого понятия «силы», соотносящегося в художественном мире романа с разными сторонами русской национальной жизни. В связи с тем, что силы в романе Чаева ассоциируются и с провидением, Божественным произволением, они оцениваются как благо. Чаев намеренно лишает своих героев всего – фамилии, дворянства, состояния. Писатель ставит их в сложные условия, проверяя на человечность. И братья Лучаниновы, и талантливый музыкант Барский, близкие к отчаянию, все-таки не теряют веры, способности нравственного существования. Не случайно в центре романа находится история с передаваемым из рук в руки именем, с символическим разбором барского дома. Автор «Подспудных сил» показывает, что деньги, состояние на самом деле не являются той силой, о которой он говорит в романе. «Бог с ним, с богатством. Мне грустно расставаться с крестьянами как с друзьями, как с семьей своею», – говорит Лучанинов.⁷⁹

Источником и носителем огромных духовных, творческих, физических сил, по мнению Чаева, является человек. Все материальное, механическое, по сравнению с этими силами, не имеет значения и цены. По мысли автора, несмотря на упадок и разорение, силы каждой светлой личности (будь то талантливый крепостной музыкант Барский или старый слуга по имени Сила),

⁷⁹ Чаев Н.А. Подспудные силы // Русский вестник. – 1870. – Т. 186. – С. 158.

подспудно хранимые и ждущие своего часа, найдут применение. Огромные скрытые силы видит писатель в русском народе. Они воплощены и в русских песнях, которые думает собирать Барский, и в великолепном пении девушки Груши, мощью и красотой оглашающем огромный пустынный лес. Очень важно, что сон о великой силе, движущейся по просторам России, снится в романе лишенному наследства, уставшему, больному Лучанинову. Во сне герой Чаева видит собирательный образ русской силы, предстающий ему в виде войска, армии, идущей на правое дело, к которой он и присоединяется. Очень важной для понимания романа оказывается в данном эпизоде одна из деталей: Лучанинов, оглядывающий себя в строю, видит у себя на груди в серебряном окладе маленький отцовский образок Богоматери. Целостный анализ романа «Подспудные силы» помогает нам уяснить существование прочной связи, которую автор находит между верой и способностью жить. Силы, о которых пишет в романе Чаев, всегда будут подспудными: за редкими моментами их пробуждения и появления наступают долгие периоды их накопления, хранения. Однако в таком положении сил и заключается, по мнению автора, их необычайность, уникальность. Так было и должно быть на Руси, в России. Такой порядок, по мнению Чаева, не противоестествен силам природы. Не случайно появляется в романе образ старика Лучанинова, наблюдающего в оранжерее за неустанной, вековой работой сил земных.

В разделе 2.2. «А.Ф. Писемский “Мещане”» показывается, как А.Ф. Писемский, не представивший в романе «Мещане» фактически ни одной отрицательной характеристики своих центральных героев (не осуждается им даже Лиза Мерова, ставшая в романе содержанкой трех разных мужчин), изобразил процесс деградации и духовно-нравственного оскудения дворян, оскудения русского человека в целом. Писемский показывает фрагментарность, отрывочность жизни, теряющей смысл. В романе «Мещане» и любовные перипетии Бегушева, и весь сюжет представлены чередой сцен, благодаря которым усилено драматическое начало. Эпический характер в романах Писемского (в том числе и в романах «Взбаламученное море», «В водовороте») приобретают контрасты и изображение глобальности того разрушительного процесса, который охватывает людей и страну в целом. В романе «Мещане» за счет умелого чередования эпизодов, столкновения действующих лиц и создания продуманной системы диалогов Писемский показывает процветание масштабного, перерастающего возможные разумные границы, поглощающего все благородные и деятельные порывы мещанства.

В разделе 2.3. «А.К. Шеллер-Михайлов “Чужие грехи”, “Над обрывом”» оценивается роль Шеллера-Михайлова в создании масштабной и правдивой картины русской жизни, в передаче своеобразного колорита эпохи. Шеллер-Михайлов во многом опирался на находки и достижения русских классиков, он даже использовал реминисценции и аллюзии, вовлекая в орбиту своего творчества проблемы, поднятые писателями первого ряда. Так, роман «Господа Обносковы» Шеллера-Михайлова перекликается как с романом «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, так и с романом «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, своеобразные диалогические отношения в трактовке сходных жизненных явлений можно увидеть в романе «Над обрывом» Шеллера-Михайлова и в романе «Обрыв» И.А. Гончарова. Роман «Чужие грехи» тематически соотносим сразу с несколькими произведениями Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Шеллер-Михайлов не просто подражает классикам и заимствует указанные темы, в его художественном мире мы встречаемся с уникальным, жизненно полным и точным сплетением и взаимодополнением тем, которые в романе «Чужие грехи» обрамляются главной темой случайного семейства и ответственности за детей, а в романе «Над обрывом» – темой упадка дворянской культуры и исчезновения целого класса. Благодаря художественной чуткости и одаренности Шеллер-Михайлов смог уловить общую тенденцию к расширению рамок и границ романа, к выходу на передовые позиции в литературном процессе такого жанра, как эпический роман. Но используя для объяснения и изображения событий образы других писателей, включаясь в общую литературную полемику, Шеллер-Михайлов оставлял своих героев «на рубеже», в переломные моменты их жизни.

Раздел 3.4. «С.Н. Терпигорев “Оскудение”» посвящен анализу двух частей единой истории разорения, материального и духовного оскудения дворян. Терпигорев изображает разгул страстей, культ денег, время неразумного стяжательства и накопительства за счет несчастий других.

Семейная тема отражается в построении книги «Оскудение», первая часть которой имеет подзаголовок «Отцы», а вторая – «Матери». Обе части книги гармонично дополняют друг друга, причем последний очерк первой и первый очерк второй книги объединены не только благодаря родственным связям повествователя с упоминаемыми в них героями, но и с помощью изображения конфликтов беспечных и невнимательных родителей и извращенных пороками детей. Если мужская неверность в первой части лишь сопровождает процесс оскудения, то во второй части – «Матери» – мы видим неверных жен и

бросающих своих детей матерей, которые активно пользуются «свободой» пореформенного времени. Они не только теряют честь и достоинство, не только разрушают свои семьи, дома, но и утрачивают человеческий облик. Не случайно автор использует прием зоологизации: финальный очерк называется «Овца» – его главная героиня напоминает повествователю глупую стриженую овцу, приходится сталкиваться читателю и с «кукушкой», после смерти брата и принятия опеки над его детьми оставшейся в имении с французом-гувернером.

С.Н. Терпигорев показывает, что семейные драмы в пореформенное время, в эпоху смещения, отсутствия ориентиров становятся поистине страшными и приобретают огромные размеры. В положении, когда семья оказывается единственной опорой, удерживающей человека от материального и нравственного оскудения, ее члены изнутри безжалостно рушат эту крепость.

Третий параграф «Веяния времени и незыблемые основы в русском эпическом романе» позволяет представить, как русские писатели второго и третьего ряда пришли к утверждению жанра эпического романа, художественной формы, способной вместить широкую русскую жизнь.

В разделе 3.1. «Д.В. Григорович “Рыбаки”, “Переселенцы”» романы Григоровича рассматриваются как первые в литературе второй половины XIX века попытки создания эпического романа. По нашему мнению, эпические начала романов «Рыбаки» и «Переселенцы» Григоровича были положены вообще в основу русского народного романа, послужили той благодатной почвой, на которой в дальнейшем рос и развивался русский реалистический роман в его «левой» ветви развития (романы П.И. Мельникова-Печерского, Н.Н. Златовратского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.). В обоих романах Григорович выходит к эпосу благодаря раскрытию семейной темы, отталкиваясь от образа семьи и рассматривая семью как единственно верную и гармоничную основу для объединения людей.

Для понимания эпичности романов Григоровича необходимо не просто перенести рассматриваемый им локальный семейный конфликт в более широкие пределы – рамки всей страны, необходимо открыть причины возникновения этих конфликтов, понять их глобальный смысл. И в «Рыбаках», и в «Переселенцах» Григорович показывает разлагающее действие разгульной жизни на крестьян и пагубное влияние, оказываемое на них новыми дельцами-хищниками, думающими о легком обогащении за счет разорения народа, иллюстрирует необходимость четкой жизненной позиции, внутренней силы того человека, на котором держится семья. Писатель демонстрирует нам два полюсных образа жизни, открывает две разные системы ценностей, которые и

формируют мировоззрение его героев. Определяющими в этом случае оказываются вера и способность к труду, желание работать и готовность идти к лучшей жизни через препятствия и трудности. В образах Глеба Савинова в романе «Рыбаки» и Катерины в романе «Переселенцы», которые, на первый взгляд, мало чем похожи, Григорович показывает нам не просто хранителей семей, но людей, берегущих веру, те образцы народной морали, которые оказались поставленными под угрозу новыми модными веяниями.

Раздел 3.2. «П.Д. Боборыкин “Китай-город” и “Василий Теркин”» содержит поэтапный анализ двух романов Боборыкина с указанием всех художественных особенностей эпического романа. Созданию эпической широты в романах «Китай-город» и «Василий Теркин» способствует изображение автором различных социальных групп, создание массовых сцен. В «Китай-городе» автор показывает читателям жизнь новой буржуазии с ее психологией, он обозревает практически всю Москву, проводя нас по домам горожан, по улицам, наблюдая за жизнью простого люда, оскудевающих дворян (Куратовы, Засекины, Долгушины), обогащающихся необыкновенно быстрыми темпами купцов. В романе «Василий Теркин» будущее и прошлое, простой народ, буржуазию и дворян связывает фигура главного героя, его история, с которой соотносятся множество других лиц и событий. Теркин, легко перемещающийся по России, знающий лишения и тяготы, народную жизнь – это образ нового героя, заботящегося о благосостоянии своей страны. С ним автор связывает надежду на сохранение природных богатств, основ русской национальной культуры (как народной, так и дворянской).

В разделе 3.3. «П.И. Мельников-Печерский “В лесах” и “На горах”» отмечается, что широкая картина народной жизни, открытие и изображение отдельных особенностей и характерных черт русского духа позволяют отнести романы Мельникова-Печерского к эпическим. На примере творчества Мельникова-Печерского мы видим, как реализм обогащался элементами натурализма, этнографическими элементами (во времена написания романа – малоизвестными, почти научными наблюдениями), необходимыми автору для создания полного и живого художественного мира. В дилогии писатель показывает присущие любому русскому человеку духовные и нравственные ценности, которые, к сожалению, во многом утрачены высшим светом, растеряны в праздности и удовольствиях, но до сих пор хранимы русскими крестьянами-старообрядцами, отдельными людьми из народа, живущими по совести и правде Божьей. Изображая «остатки старины», малоизвестные прогрессивному большинству, образованному обществу, показывая закрытую

жизнь крестьян-раскольников, Мельников-Печерский не просто выступал популяризатором, открывающим новые данные; писатель радел за возрождение веры в сердцах людей, за жизнь по Божьим законам, забытым или забываемым в цивилизованном мире.

В четвертом параграфе *«Идеи современного человека и поиск настоящего героя»* представлены наблюдения за тем, как писатели разных взглядов и направлений, констатируя множество общественных бед, предлагают свой образ нового героя, нередко формируемый в споре между романистами.

Раздел 4.1. «А.Ф. Писемский “Взбаламученное море” посвящен анализу указанного романа, образу его главного героя. Писемский представил нам «человека сороковых годов», мечтателя и созерцателя. Бакланов совершенно не способен ни к какому виду деятельности, требующей напряжения сил и усидчивости или вдумчивости. История любви в романе «Взбаламученное море» становится частью неуравновешенного, смутного состояния общества; в художественном мире романа с одним центральным героем, Баклановым, ассоциируется вся эпоха незавершенных реформ, нерешенных вопросов, неясных путей, а с другим, Варегиним, связаны надежды на возможные перемены.

В разделе 4.2. *«Н.С. Лесков “Некуда”, “На ножгах”* осмысляются центральные образы романов Лескова, анализируется попытка писателя показать выход из заблуждений эпохи смуты и представить альтернативный путь движения, существовавший во все времена. Даже самой архитектурной произведений писатель подчеркнул ценность и важность дороги, которая ведет человека к пониманию народа и нужд страны, к вере и христианскому мировоззрению, не позволяющему личности жить без труда и самосовершенствования, не думать о ближних. Лесков противопоставляет эгоистическое христианскому, хранителем которого является народ. Герои Лескова преуспевают в жизни в той степени (речь идет не о значительности какого-либо взятого ими на себя дела, а об общей оценке их существования), в какой могут отказаться от своего эгоизма. И оценивать их приходится не только по одному результату, но также и по совокупности данных, с которыми они отправлялись в жизнь. При всем скептицизме, с которым говорит Розанов о себе, он все-таки доктор – человек, оказывающий другим реальную помощь и жалеющий свою вздорную жену.

Раздел 4.3. «В.В. Крестовский: диалог “Кровавый пух” и роман “Вне закона”» позволяет представить творчество малоизученного романиста,

оценить его роль в общей истории русского романа, раскрыть особенности героев его произведений. В «Кровавом пуфе» представлено время современной смуты с ее беспорядочностью и обыкновенный человек – Константин Хвалынцев, не всегда способный трезво оценить обстановку и разобраться в происходящем. Крестовский, как и многие русские писатели первого ряда, отчасти предваряя колеблющихся героев, показывает нам не идеального, а страдающего, ошибающегося персонажа. В художественном мире романа показательным становится путь «помрачения» героя и его «спасения».

Роман «Вне закона» очень хорошо позволяет соотнести формальный, юридический закон, законы общественного устройства, законы света, морально-нравственные и христианские законы. Ориентируясь на произведения Ф.М. Достоевского, В.В. Крестовский создает подобие уголовного романа: в центре его стоит разоблачение убийства Максима Григорьевича Вельтищева, совершенного (с попустительства жены убитого, Ирины) его родственником исключительно с целью обогащения. Крестовский показывает драмы, происходящие в условиях мошеннического апофеоза, когда государственные законы начинают использоваться в корыстных целях. Вслед за писателями первого ряда он говорит об оскудении в человеке нравственного чувства, отсутствии моральных законов, без которых, по его мнению, государственные (под угрозой воздействия карательных органов) долго не продержатся.

Раздел 4.4. «И.В. Омулевский “Шаг за шагом”; К.М. Станюкович “Без исхода”» посвящен попытке соотнесения описываемых писателями-демократами «новых людей» с образами идеальных героев, выдвигаемыми русскими классиками. В отличие от позитивистов западных, изолированных от думы о народной судьбе, озабоченных более всего правильным, идейным, справедливым устройством жизни определенного человека, русские позитивисты, как правило, негласно, параллельно идейной и общественной работе, проникались чувствами христианского сострадания и милосердия к ближним. Александр Васильевич Светлов, настроенный на проведение революционной пропаганды, радеющий за радикальные изменения в обществе, изображаемый как передовой герой своего времени, за которым готовы идти его друзья, на самом деле оказывается сильной личностью. Свойственное таким героям умение преодолеть самих себя, забыть о своих чувствах и собственной боли ради общего дела превращает их в характеры поистине эпического масштаба. Наблюдая за жертвами, приносимыми идее героями романов «Шаг за шагом», «Без исхода», уже сложно говорить о разумном эгоизме, здесь уместен более разговор о жертвенности ради блага других.

В разделе 4.5. «*И.А. Куцевский “Николай Негорев, или Благополучный россиянин”*» показано, каким образом эпическая сущность небольшого по объему романа достигается Куцевским за счет умелого соотнесения фигур и определения жизненных приоритетов, прорисовывания частных судеб на фоне эпохи. Эпическая объективность авторской манеры повествования достигается нередко с помощью циничной откровенности самого Николая Негорева, рассуждающего о своей жизни и об окружающих его людях: именно эта позиция, довольного собою, трезвого, успешного и равнодушного к бедам других, но способного к самоиронии и критике рассказчика, распространяется и на увлеченных идеалистов, которые все еще болеют мечтами. Довольная фигура добившегося успеха Николая Негорева, который, благодаря своей хитрости и предприимчивости удачно женится на знатной богатой невесте, лучше многих слов говорит о положении таких, как Оверин – идеалистов-неудачников.

В Третьей главе «*“Анна Каренина” Л.Н. Толстого как эпический роман: о типологических связях, переключках и заимствованиях в художественных мирах русских романов второй половины XIX века*» мы постарались показать широту и значимость семейного, женского вопроса в процессе создания эпического романа как вершинного жанра второй половины XIX века. В центре выбранного нами тематически-проблемного единства романов оказывается «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. На основе сопоставительного анализа эпического романа «Анна Каренина» с рядом других произведений русских писателей, мы показываем, что реалистические романы писателей второго и третьего ряда сыграли огромную роль в подготовке материала и разработке тем для эпического романа. Размышляя над важностью темы семейной и женского вопроса и включаясь в общий полилог, русские романисты представляли свое видение причин и поводов страданий и трагедий в жизни героинь. Различные вариации на тему судьбы женщины и матери при широком взгляде на русский роман, несомненно, воспринимаются как реплики в общем рассуждении о жизни и иллюстрации ее законов.

В первом параграфе «*Л.Н. Толстой на пути к эпическому роману*» мы рассматриваем эпическую природу трех романов Толстого – «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения». Несмотря на то, что романом-эпопеей признана в литературоведении лишь «Война и мир», другие два романа Толстого должны быть рассмотрены как не менее широкие и значимые произведения, жанровая характеристика которых может быть определена как «эпический роман». Мы показываем, что широта романа-эпопеи, написанной

Толстым на историческом материале, сохранялась и в последующих его романах, созданных в пореформенное время. В «Анне Карениной» эпическую основу увидеть и почувствовать сложнее, нежели в «Войне и мире» и «Воскресении» – в последнем романе жизнь Нехлюдова становится открытием страны и народа, познанием России: не *grand monde*, не того высшего света, о котором говорит князь Корчагин, а большого трудового мира, к которому принадлежат и крестьяне, возвращающиеся домой в вагоне третьего класса, и семья генерала в Сибири. В «Анне Карениной» читатель должен подняться над трагедией Анны, над исканиями Левина, не просто соотнести сюжетные линии романа и уловить отношение героев к народу, но осознать те высшие законы, которые оказались воплощенными в художественном мире.

Второй параграф «“Анна Каренина” как один из вершинных эпических романов» посвящен анализу организации внутреннего единства романа Толстого, которое держится на внефабульных связях, на «бесконечном лабиринте сцеплений». Краткий разбор романа «Анна Каренина» с точки зрения жанровой характеристики и описания мастерства Толстого закономерно предшествует последующим сопоставлениям художественных произведений и отдельных элементов художественных миров русских романов, посвященных теме семейной, женскому вопросу. Как и в более ранних произведениях, в «Анне Карениной» Толстой изображает душевный мир человека и подробно освещает внутреннюю борьбу личности. Но при создании «Анны Карениной» писатель обратился не к частным противопоставлениям героев, а попытался создать иерархию, вмещающую все человеческие качества и черты, основав ее на единственно возможной, обнимающей всё божественной идее. Толстой показывает читателю, как одни герои лишаются Божьей искры, теряют ее, гасят, а другие, наоборот, осознают в себе ее присутствие и стараются сберечь и упрочить данный им дар.

Третий параграф «Русский роман второй половины XIX века и “Анна Каренина” Л.Н. Толстого» призван показать сложные взаимодействия между рядом романов русских писателей, посвященных одной и той же теме. Рассматривая процессы творческого освоения романистами находок друг друга, разнообразные влияния художественных произведений, мы обнаруживаем сложно организованное целое, наджанровое единство, переосмысливаем значение «реплик» в едином полилоге русских романистов. «Новое» слово, сказанное каждым из них в раскрытии рассматриваемой темы, в большинстве случаев не было противоречием всему описанному ранее. Мы подчеркиваем

значимость голоса Толстого и его художественного шедевра «Анна Каренина», его включенность в общие процессы взаимовлияния произведений.

Все рассмотренные нами романы оказываются связанными одними мотивами, над художественными мирами выстраиваются линии параллелей сходных ситуаций, сопоставлений и противопоставлений. Писатели отмечают, как против женщины-жертвы ополчается общество, весь свет, самые близкие люди. Криницкий и Толстой показали, что самое страшное ополчение собирается против любящей женщины из ее близкого и верного, семейного круга. И Боборыкин, и Тургенев прекрасно проиллюстрировали, как ошибка героинь, совершенная в выборе спутника, делает неотвратимым их жизненный путь, увлекая умных и красивых на неверную дорогу растраты внутренних сил. Большой заслугой Криницкого, Шеллера-Михайлова, Маркевича, Боборыкина, Писемского, а далее и Толстого является изображение конфликта, возникающего из-за того, что у женщины есть дети от первого брака.

Раздел 3.1. «Художественные переключки, заимствования и творческие освоения, их роль в создании эпического шедевра Толстого» содержит ряд важных рассуждений о комплексном изучении литературы определенного периода, о целостном рассмотрении истории жанра романа на основе совокупности изученных произведений и уяснения разнонаправленных связей между ними. Невозможно говорить о литературе определенного периода только на основании сведений о произведениях отдельных авторов. Изучение романов второго и третьего ряда позволяет создать ту основу, которая необходима для понимания общих процессов, происходивших в русской литературе, осознать всю глубину эпических романов второй половины XIX века. Для русских писателей второй половины XIX века было характерно особое внимание к творчеству друг друга. Скорее всего, оно было вызвано не только особой близостью русской литературы к жизни, постоянным вниманием романистов как к общественно-политическим проблемам, так и к вечным вопросам взаимоотношения людей, но и единым стремлением авторов к преобразению жизни, формированием идеала человеческого существования. Этот идеал рождался, во многом, в сложном диалоге между романами, на фоне происходящих в стране и мире изменений и носил довольно динамичный характер. Попадая в новое произведение, заимствованные элементы не теряют связи с прошлым, но начинают жить совершенно иной жизнью, подчиняясь законам определенного художественного мира, организуя непрерывное единство повествовательных связей.

Необходимо учитывать, что огромный пласт беллетристики, второстепенной и третьестепенной литературы, остающейся часто за пределами пристального внимания литературоведов, рассматриваемый вне связи с литературным процессом и контекстом рассматриваемой эпохи, на самом деле содержит многочисленные жанровые вариации, которые во многом и оказываются подготовительным материалом для рождения шедевра, утверждения нового жанра в его неповторимом облике, свойственном для определенной эпохи. Так, русский реалистический роман XIX века, вершинным жанровым проявлением которого мы считаем эпический роман, подготавливался многочисленными и разнообразными попытками писателей выразить то грандиозное содержание, которое открывалось им в жизни.

В Разделе 3.2. «Роман М. Креницкого *“Узкий путь”* и романы Л.Н. Толстого *“Война и мир”* и *“Анна Каренина”*» анализируется возможное влияние романа Креницкого на творческий процесс Толстого. В «Узком пути» кратко намечены многие события и перипетии, которые привлекут Толстого в «Войне и мире». Сопоставление романов приводит нас к утверждению значительного сходства между многими героями, событиями. Ключевыми образами, сближающими романы, являются образы княжны Анны Радомской и княжны Марьи Болконской: обе они прекрасны внутренней, духовной красотой, обе одинаково поступают, отказывая возможным женихам – графу Нестроеву и Анатолию, обе чувствуют свою нужность семье, на определенном этапе жертвуют возможным устройством своей жизни. И очень схожее поведение героинь, оберегающих сирот, Божьих людей, и отдельные рифмующиеся эпизоды (благословение братьев, уходящих на войну), позволяют провести интересные наблюдения о возможном освоении Толстым находок Креницкого и придании этим находкам эпического масштаба в своих произведениях.

Пространство романа «Узкий путь» расширяется и благодаря представленной в романе истории жизни Валериана Радомского. Сходство истории жизни Валериана Радомского с судьбой Алексея Вронского, героя романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, еще раз подтверждает вероятность обращения Толстого к роману «Узкий путь»: у Валериана есть старшие братья, слушать которых он не стал (Вронский также не склонен был прислушиваться к советам старшего брата); Валериан влюбляется в молоденькую и хорошенькую замужнюю женщину, ищет ее расположения, даже сближается со старым мужем. Его раздражают холод и пренебрежение красотки, он пытается завоевать ее сердце, наконец, добивается расположения. Молодая женщина

начинает буквально служить Валериану, он заменяет ей все. Но в то время как дамой овладевает жгучая страсть, Валериан, добившись своего, начинает к ней охладевать; он больше жалеет молодую женщину, что очень ее огорчает. Обманутый муж узнает о романе и подает на развод, который должен окончательно погубить даму в мнении света. Кстати, ярко звучит в этой истории и мотив суда (вспомним эпитафию к роману «Анна Каренина»): «Такова уже несправедливость общества; пока преступление не наказано, оно может повсюду являться с открытым лицом, лишь изредка вызывая почти снисходительную улыбку, но когда постигает виновных кара Божия, или наказание людское, тотчас все восстают против них, и свет налагает несмываемое клеймо на несчастных осужденных».⁸⁰ Во время отъезда Валериана в деревню, молодая женщина погибает «страшной смертью». В душе пораженного Валериана воскресает любовь, от отчаяния он готов покончить с собой, но сила жизни заставляет его искать пути, где он может быть нужен. Условно можно сказать, что вся сюжетная линия Анны и Вронского, созданная Толстым, в предельно сжатом виде представлена в художественном мире романа Криницкого. Вне всякого сомнения, масштаб событий, пусть даже «свернутых» в короткий рассказ, значительно расширяет роман, придавая ему эпическую сущность.

Раздел 3.3. «“Господа Обносковы” А.К. Шеллера-Михайлова и “Анна Каренина” Л.Н. Толстого» представляет сопоставительный анализ двух романов, который позволяет сделать вывод не только о близости поднятых Толстым и Шеллером-Михайловым проблем и вопросов, но и о возможном влиянии романа «Господа Обносковы» на создание «Анны Карениной», а также о своеобразном преобразении возможных «чужих» элементов в художественном мире Толстого.

На примере судьбы Анны Карениной Толстой покажет все те ошибки, которые были совершены Стефанией Высоцкой и Груней – героинями романа «Господа Обносковы». Очень схожи и психологические состояния героев у Толстого и Шеллера-Михайлова. У последнего отсутствуют пространственные описания психологического состояния Груни, но отдельные фразы и подробности, передающие её ощущения в моменты высшего напряжения, могли послужить основой для тех или иных звеньев в представлении сложной и богатой душевной жизни Анны Карениной. К примеру, в разговоре с Павлом после болезни Груня говорит о своем отчаянии и об исходе. Сопоставляя сюжетные ходы в романах «Господа Обносковы» и «Анна Каренина», мы

⁸⁰ Криницкий М. Узкий путь // Русский вестник. – 1858. – Т. 15. – С. 544.

понимаем, что не будь у Груни Павла, она, скорее всего, кончила бы жизнь так же, как и Анна. Слово «исход», произнесенное Павлом в смысле «выхода» из создавшегося положения, Груня воспринимает совсем не так: «“Я сама думала о смерти”, – задумчиво проговорила Груня». Отчаяние Груни соразмерно с её сомнениями, с её запутанностью в обстоятельствах. И Груня, и Анна оказываются в плену, который авторы описывают с помощью близких образов и мотивов: лжи, путаницы, грязи. «Позор, лишения, труд – всё, всё перенесу, только бы вырваться из этой грязи, отделаться от этой лжи, прикрытой маской нравственности, набожности и серьёзности...»,⁸¹ – говорит Груня. А ведь Анна на протяжении всего романа пыталась разорвать паутину лжи и обмана.

В Разделе 3.4. «“Забывтый вопрос” Б.М. Маркевича и “Анна Каренина” Л.Н. Толстого» мы рассматриваем один из редко вспоминаемых ныне романов Маркевича. Произведение это не претендует на всесторонний охват жизни – нет у Маркевича последовательного поиска Левина, нет темы народной, однако роман погружает нас в атмосферу 1870-х годов. Конечно, сам Маркевич при описании жизни ребенка, психологии Васи Лубянского ориентировался на достижения Толстого, однако сопоставительный анализ романов позволяет нам утверждать, что была, по-видимому, и *обратная связь*: возможно, при создании романа «Анна Каренина» Толстой отталкивался от находок Маркевича. В романе «Забывтый вопрос» изображается светская жизнь, в центре его лежат проблемы брака и любви, проблема участи женщины в свете, проблема свободы выбора женщины и судьбы ребенка. Еще до Толстого, изобразившего в «Анне Карениной» несчастье матери и сына, трагедию Сережи Каренина, Маркевич описал удивительного мальчика Васю, заботившегося о больном отце и сгоревшего после его смерти, после предательства матери.

Можно проследить некоторое типологическое сходство, отмечаемое в образах Лубянской и Карениной, Фельзена и Вронского, Васи Лубянского и Сережи Каренина, романы объединяют символика и сходные мотивы. В «Забывтом вопросе» присутствует история, рассказанная бароном Фельзенем. Это история о княжне Кити (как не вспомнить Кити Щербацкую) и Лучинцеве (эта фамилия по звуковому облику, как нам кажется, соотносится с фамилией Левина в вариантах романа – Ордынцев). История о бедном молодом человеке, полюбившем Кити, но не женившемся на ней, о болезни Кити, а после – ее замужестве, могла способствовать возникновению у Толстого замысла противопоставления двух линий в романе, или, скорее всего, повлиять на

⁸¹ Шеллер-Михайлов А.К. Господа Обносковы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_0090-1.shtml (дата обращения: 15.05.2015)

организацию линии Левина. Да и само описание Лучинцева – цельной натуры, и желаемой им любви как «органического слияния двух существ в одно неразрывное целое, <...> чтоб это целое было непременно *он*, а не *она*»,⁸² выставляемое негативно Фельзенем, очень соответствует типу Левина. Вспомним, к примеру, его ссору с Кити в XIV главе пятой части «Анны Карениной», где Левин «понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он... Он почувствовал, что не может быть оскорблен ею, что она была он сам».⁸³

Раздел 3.5. «Роман *“Дым”* И.С. Тургенева и *“Анна Каренина”* Л.Н. Толстого» посвящен описанию значимых перекличек указанных романов на уровне образов, символов, деталей. Роман Тургенева «Дым», соотносимый более с одной из противопоставленных друг другу линий романа Толстого «Анна Каренина», благодаря тонко продуманной автором системе внутренних «сцеплений» и особому сюжетно-композиционному единству, вероятно, мог повлиять на процесс создания романа «Анна Каренина». «Дым» – это, говоря толстовским языком, отраженная жизнь, уловив строение которой, автор «Анны Карениной» создал свою мироподобную структуру. И у Тургенева, и у Толстого мы видим похожую силу – необъяснимую, губящую страсть. Ирина не только не желает добра любимому ею человеку, она для Литвинова опасна, как туман Баден-Бадена. В отличие от Анны Карениной, в которой жила романтическая любовь-страсть, постепенно переросшая в ревность и ненависть, Ирина с самого появления в сцене пикника генералов уже держит в сердце озлобление против высшего света, которое невольно обращается на всё остальное, потому что Ирина сама стала частью противного ей общества. Левин в романе Толстого активно возражал бы Созонту Ивановичу Потугину. Диалог Литвинова и Потугина в «Дыме» больше походит на монолог последнего. Литвинов уже знаком с европейской цивилизацией, но он еще не практик, не русский хозяин, поэтому и не может что-то реальное противопоставить словам Потугина. А Левин может. «Помещики жалуются, а зерносушилок всё нет как нет», – произносит Потугин.⁸⁴ Он утверждает, что русский помещик не в состоянии сделать зерносушилку. Литвинов, разумеется, не пробовал. Теперь

⁸² Маркевич Б.М. Забытый вопрос // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/markewich_b_m/text_0080oldorfo.shtml (дата обращения: 28.07.2016)

⁸³ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 19. – М.: Худ. лит., 1935. – С. 50.

⁸⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 7. – М.: Наука, 1981. – С. 327.

посмотрим на хозяина Константина Левина: «Новая сушилка была выстроена и частью придумана Левиным».⁸⁵

Раздел 3.6. «*“Жертва вечерняя” П.Д. Боборыкина и “Анна Каренина” Л.Н. Толстого*» содержит рассуждения о том, что роман «Жертва вечерняя», впервые опубликованный в пяти номерах «Всемирного труда» за 1868 год, предвосхищает появление «Анны Карениной». Фактически, описывая линию Анны, Толстой мог заимствовать сюжетные ходы, мотивы и психологические находки Боборыкина. Романы Боборыкина и Толстого, безусловно, сближает ощущение непоследовательности в поведении героинь, точнее, невозможность расценить их поведение как ясное, да и хоть сколько-нибудь закономерное с точки зрения логики трезво рассуждающего человека. И Мария Михайловна, героиня Боборыкина, и Анна Каренина постепенно все больше запутываются в условностях, диктуемых светом, в собственных предпочтениях, в стремлениях и чувствах. Роман Боборыкина мог подсказать Толстому необходимость изображения глубин женской души.

Роман «Жертва вечерняя» написан от первого лица: героиня ведет дневник, который изобилует ее наблюдениями за окружающим и выводами о своем самочувствии. Однако рамки этого дневника необыкновенно расширяются, он становится романом, а автор успешно решает сразу несколько задач. Во-первых, Боборыкину удается таким образом подчеркнуть глубину натуры Марьи Михайловны. Ее тонкие наблюдения, емкие выводы и обобщения, способность к аналитическим рассуждениям открывают в этой молодой женщине ум и талант. Во-вторых, автор создает именно роман о женщине, ее внутреннем мире, оставляя читателя один на один с героиней, позволяя ему воспринимать сокровенные строки ее дневника, который Маша предназначила после ее смерти сыну, Степе и Кроткову. В-третьих, наблюдательность Маши и ее впечатлительность позволяют автору вместить в дневниковые записи огромный объем. Масса кипящих и не высказанных дум Маши, ее чувств, точные, изобилующие подробностями описания окружающего, придают роману Боборыкина почти эпический размах, который, конечно, не мог не почувствовать Толстой.

Раздел 3.7. «*“В водовороте” А.Ф. Писемского и “Анна Каренина” Л.Н. Толстого*» посвящен исследованию тематического и идейного сходства указанных романов. Как и в «Анне Карениной», в романе Писемского мы сталкиваемся с мотивом выбора пути и символическим его представлением.

⁸⁵ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 18. – М.: Худ. лит., 1935. – С. 100.

Водоворот как круги, не соотнесенные с линией восхождения (об отсутствии дальнейшего движения говорит в романе «В водовороте» Миклаков), а сужающиеся, становятся у Писемского, как потом у Толстого, символом отсутствия выхода из драматического и губительного положения.

Писемский умело реализует внефабульные связи, построенные на основе сопоставления героев в рамках системы перекликающихся символов и мотивов. Писемский не дает героям однозначных оценок, более того, он избегает каких-либо прямых сопоставлений персонажей. Писатель надеется на правильное понимание своего романа эстетически подготовленным, развитым читателем. Для построения целостного художественного мира романа Писемского (как и романа Толстого) необходимо развернуть заложенную автором иерархию героев, основываясь не на внешнем сходстве их судеб или ярких чертах их характеров, а на более тонких перекличках и противопоставлениях жизненных концепций и позиций.

Четвертая глава *«Комплексное единство русского романа второй половины XIX века»* содержит рассуждения о том, что каждый новый роман второй половины XIX века создавался в русской литературе с одной стороны, как совершенно уникальное произведение, с другой стороны, с опорой на находки предшественников, с учетом памяти жанра. Многочисленные идейные, образные, тематические переклички между художественными мирами отдельных произведений, вкупе с поиском особой формы, стремлением к созданию неповторимого и полного, объемного эпического романа позволяют нам говорить об особом единстве, характерном для литературы того времени. Это идейно-художественное единство теряется при описании и создании различных классификаций русских романов, направленных на выделение особых для каждой группы романов признаков и может быть учтено только при целостном взгляде на литературный процесс. Рассуждая о комплексном единстве, мы говорим об условном объединении всех рассмотренных романов в единое целое, скрепляемое одним кругом поставленных проблем, открытой и скрытой полемикой писателей по самым актуальным вопросам.

Первый параграф *«Творческий полилог ряда русских писателей в литературном процессе второй половины XIX века»* посвящен описанию и характеристике того уникального полилога русских романистов, репликами в котором являются художественные произведения (романы), статьи, критические заметки. Примечательно, что указанный полилог происходил между писателями, отличающимися по уровню мастерства, между мастерами слова первого ряда и теми авторами, чьи романы ныне причислены к

произведениям второстепенным и третьестепенным. Таким образом, тематический и идейный спор осложнялся еще и процессами подражания лучшим и творческого освоения писателями отдельных художественных элементов и, наоборот, использования классиками находок второстепенных писателей.

В рассмотренной нами полемике писателей рождается ощущение истины, того пути, который не обозначен ни одним из них полностью, но собран по частям, соткан из созвучных и противоречивых доводов и предложений. Любая из крайностей наших писателей, будь то страстное поклонение Западу, желание сохранить Россию в неизблемом состоянии, удержаться за счет сильной власти общественно-политические процессы для стабилизации того положения, в котором находилась аристократия, призыв к военным действиям с целью оздоровления нации, наконец, странная, безграничная вера в дворянство или, наоборот, исключительно в силу русского народа, встречая закономерное противоречие со стороны их коллег-писателей, уравнивалась в идейно-тематическом единстве другими голосами.

Во втором параграфе *«Роман-хроника Н.С. Лескова “Соборяне” – публикация в журнале “Русский вестник”»* кратко рассмотрена проблема отражения религиозной жизни на страницах журнала «Русский Вестник», представлены отдельные рассуждения о политике этого журнала и его издателя, М.Н. Каткове. Мы считаем очень примечательным факт публикации романа-хроники «Соборяне» Лескова именно в «Русском вестнике». Соборное единство, изображенное в романе Лескова, было очень кстати на страницах указанного журнала, слишком консервативного, а в части критики и наполненного прозападными настроениями. Создавая «хронику», Лесков стремился охватить всю русскую реальность, писатель чувствовал необходимость обращения к эпосу, способному вместить небывалое по объему и глубине содержание художественного произведения. В «Соборянах» Лесков мастерски соединяет драму конкретной и примечательной личности с историей и судьбой народа, его прошлым, настоящим и мыслями о его будущем.

В третьем параграфе *«Л.Н.Толстой и В.Г. Авсеенко: полемика на страницах журнала “Русский вестник”»* описывается интересный спор Л.Н. Толстого и В.Г. Авсеенко, который приобретает несколько односторонний характер: Авсеенко не только подражает Толстому и создает в своем романе «Млечный путь» вариации героев Толстого, он пытается скорректировать впечатление читателей от романа «Анна Каренина».

Вероятно, Толстой творчески осваивает тот тип успешного и ловкого дельца и карьериста, который был открыт Авсеенко в романе «Из-за благ земных». Авсеенко, в свою очередь, не только подражает Толстому и создает в своем романе «Млечный путь» вариации героев Толстого. Разумеется, для создания эпического романа, для умелого подражания художественному миру Толстого Авсеенко нужно было быть талантливым критиком и писателем. «Млечный путь» был призван не только скорректировать впечатление от романа Толстого, но и перечеркнуть «идейные ошибки» Толстого, дополнить его художественный мир иными взглядами на будущее России и найти в жизни другие опоры и ориентиры. На фоне удачного подражания Толстому Авсеенко ведет с ним скрытую полемику, связанную с идеей пути России и источником ее живых и деятельных сил. Описывая поведенческие реакции героев, создавая героев-антиподов, Авсеенко ориентирует читателя на поиск истины за рубежом, в Западной Европе. Кроме того, в финале «Млечного пути» Авсеенко смог возразить Толстому, уже разошедшемуся с журналом «Русский вестник» из-за своего особого видения славянского вопроса.

Четвертый параграф «Ф.М. Достоевский и В.Г. Авсеенко: вопрос о народе и о взгляде на него» отведен нами для описания резкого спора, развернувшегося между писателями. В финале романа «Подросток» Достоевский возражал одновременно и Толстому, и Авсеенко. Миражность совпадения их позиций Достоевский осознал позднее, когда вступил в непосредственную полемику с Авсеенко. Последний критически отнесся к роману «Подросток», и совсем скептически – к рассуждениям Достоевского о народе в «Дневнике писателя» за февраль 1876 года. Достоевский, в свою очередь, возразил Авсеенко в очередном (апрельском) выпуске «Дневника писателя». Обобщая итоги спора этих двух романистов, можно констатировать, что Авсеенко не видит уникального начала нашего народа, заключающегося в соборности, в умении жить миром, сообща справляться с бедами. Конечно, Авсеенко уходит в крайность, однако он очень умело возражает Достоевскому, избирая довольно категоричные высказывания писателя. Разумеется, нельзя однозначно сказать, что Достоевский был прав, а Авсеенко – нет или наоборот. Авсеенко не зря отстаивал ту высоту, тот уровень образования, на который смогли подняться лучшие представители дворянского сословия. На самом деле, он пророчески уловил огромную разницу между народом и высшим классом, которая не позволила бы крестьянам понять и принять то, что приносили с собою дворяне. Достоевский, в свою очередь, показывая читателю определенные образы русских дворян, наверное, слишком стучал краски,

подчеркивая несостоятельность этого сословия, его полное вырождение. Примеры русских дворян, показанные Достоевским, может быть, имели место быть, очень хорошо отображали процессы упадка, происходящие внутри сословия. Однако они не характеризовали аристократии и дворянства в целом.

В пятом параграфе *«Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский – спор о русском семействе»* мы представляем некоторые расхождения двух крупных русских писателей, во многом спровоцированные предшествовавшими им «репликами». Скорее всего, на восприятие романа «Анна Каренина» Достоевским повлияло возвеличивание старых дворянских семей, подчеркнутое преподнесение великосветской линии романа, сделанное Авсеенко в статье «По поводу нового романа гр. Толстого». В «Анне Карениной» Толстой возражает выводам Достоевского, сделанным в финале романа «Подросток», и его сходным убеждениям, высказанным в «Дневнике писателя». Достоевский, в свою очередь, критически оценивает роман Толстого «Анна Каренина». И с наибольшим осуждением Достоевский относится как к дворянским семьям и историям в романе, так и к его заключению, к восьмой части романа «Анна Каренина», которая вышла в виде отдельного издания из-за резко разошедшихся взглядов Толстого и Каткова на добровольческое движение русских в помощь братьям-славянам.

Примечательно, но в споре с Толстым Достоевский в чем-то сближается со своим оппонентом Авсеенко, а Сергей Иванович Кознышев, так похожий на Авсеенко в первых частях романа, в восьмой части «Анны Карениной» оказывается своеобразной «пародией» на Достоевского с его любимыми и пропагандируемыми им идеями взаимоотношений России и Европы и решающей роли первой в межнациональных конфликтах.

В шестом параграфе *«Б.М. Маркевич и его “хвалебные песни” русскому дворянству»* представлена еще одна примечательная позиция в полемике о роли и значении дворянства и его отношении к народу: Маркевич был убежден в особой роли русской аристократии. Все его произведения, а в особенности последняя трилогия («Четверть века назад», «Перелом», «Бездна»), посвящены прославлению дворянства и объяснению его миссии. Русский народ, о котором писатель говорит довольно обтекаемо, по мнению Маркевича, живет только благодаря тем организационным формам, которые созданы русским помещичьим дворянством. Маркевич превозносит своих лучших героев из дворян. Так, образцовым героем в «Переломе» оказывается дворянин Борис Васильевич Троекуров, а в «Бездне» – Павел Юшков. Эти люди не лишены человеческих недостатков, однако многое им прощается

автором за силу духа и уверенность. Маркевич, как и Леонтьев, надеялся на русскую аристократию, в отличие от Достоевского в ней видел силу и залог светлой и успешной жизни. Однако в отличие от Каткова и Авсеенко, видящих образцы для подражания в Европе, Маркевич уверен в необходимости самобытного существования русских дворян, сохранения ими национального духа.

В **Заключении** подчеркиваются важнейшие моменты исследования, излагаются основные результаты и подводятся итоги работы.

Различное понимание целей и задач человека, разное отношение к личности русских романистов и западноевропейских писателей определило своеобразие динамики художественных форм в России и Европе, обусловило уникальность русского реализма и возможность создания эпического романа. Вся русская литература второй половины XIX века может быть рассмотрена как особый художественный комплекс, поддерживаемый живым интересом русских писателей к творчеству друг друга, их диалогом и полемикой по актуальным вопросам русской жизни. Целостный анализ второстепенных и третьестепенных романов позволяет нам утверждать, что многие художественные находки были сделаны беллетристами, а потом творчески освоены классиками, что второстепенные писатели в той же степени, что и классики русской литературы, были увлечены поиском новой жанровой формы, мыслью о человеке и его месте. Заслуга второстепенных писателей заключается также в разработке определенных тем, воплощении и проверке ряда важнейших образов, в создании той широкой основы символов, сюжетов и судеб героев, которая стала канвой для переключки между романами, необходимым пространством для возникновения диалога писателей.

Комплексный анализ русского реалистического романа позволил нам выйти к утверждению сложного полилога романов, к переключке идей, тем, мотивов, в которой рождается нечто большее, чем просто сумма образов – целостный художественный образ России.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Монографии:

1. *Андреева В.Г.* «Бесконечный лабиринт сцеплений» в художественном мире романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 296 с.
2. *Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома: КГУ, 2016. – 492 с.

В ведущих научных журналах, рецензируемых ВАК РФ:

3. *Андреева В.Г.* Война в изображении и оценке Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – №3. – С. 85–88.
4. *Андреева В.Г.* О нескольких центральных антитезах в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 114–117.
5. *Андреева В.Г.* Предисловные рассказы и рассказы о героях в произведениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – №5. – С. 98–101.
6. *Андреева В.Г.* Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – №1. – С. 93–97.
7. *Андреева В.Г.* История дворянства в пореформенное время в книге С.Н. Терпигорева (С. Атавы) «Оскудение» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – №3. – С. 105–109.
8. *Андреева В.Г.* Взбаламученное море А.Ф. Писемского и «Дым» И.С. Тургенева: типологические связи и художественные переключки // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – №5. – С. 121–125.
9. *Андреева В.Г.* Роман М. Криницкого «Узкий путь» и романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина»: художественные переключки // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – №2. – С. 122–126.

10. *Андреева В.Г.* «Господа Обносковы» А.К. Шеллера-Михайлова и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого: художественные заимствования, генетические и типологические сходства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №1. – С. 3–7.
11. *Андреева В.Г.* «Жертва вечерняя» П.Д. Боборыкина и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – №4. – С. 236–242.
12. *Андреева В.Г.* Романы П.Д. Боборыкина «Китай-город», «Василий Теркин» и эпический роман второй половины XIX века // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 5. – №2. – С. 102–106.
13. *Андреева В.Г.* Реализм в русской литературе второй половины XIX века // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2014. – №2. – С. 193–198.
14. *Андреева В.Г.* Реализм и эпический роман в русской литературе второй половины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – №2(2). – С. 378–385.
15. *Андреева В.Г.* «Маскарад» М.Ю. Лермонтова и русский роман второй половины XIX века // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – Т. 5. – №3. – С. 211–216.
16. *Андреева В.Г.* Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – №5. – С. 131–134.
17. *Андреева В.Г.* Роман В.Г. Авсеенко «Злой дух» в контексте поиска новой жанровой формы в литературе второй половины XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – №4. – С. 150–161.
18. *Андреева В.Г.* «Чужие грехи» А.К. Шеллера-Михайлова и русский классический роман // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – №1. – С. 89–94.
19. *Андреева В.Г.* Философия русской жизни в романе Н.А. Чаева «Подспудные силы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – С. 5–12.
20. *Андреева В.Г.* Идеиные особенности романа А.К. Шеллера-Михайлова «Над обрывом» в контексте художественного полилога русских романистов второй половины XIX века // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №4. – С. 50–56.

21. *Андреева В.Г.* Идейные и жанровые особенности романов В.Г. Авсеенко «Из благ земных», «Млечный путь», «Скрежет зубовный» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №7. – С. 50–56.

22. *Андреева В.Г.* Жанровое и идейное своеобразие романов В.Г. Авсеенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №7. – 221–223.

23. *Андреева В.Г.* «Шаг за шагом» И.В. Омулевского – роман о «новых людях» в литературном процессе второй половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – №6. – С. 70–72.

24. *Андреева В.Г.* Роман И.А. Кушчевского «Николай Негорев, или благополучный россиянин»: особенности жанра и образа главного героя // Гуманитарные исследования. – 2016. – №1. – С. 62–69.

25. *Андреева В.Г.* «Рыбаки» и «Переселенцы» Д.В. Григоровича как первые эпические романы второй половины XIX века // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – №1. – С.157–161.

В других изданиях:

26. *Андреева В.Г.* Мотив работы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Толстовский сборник 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. – С. 98–103.

27. *Андреева В.Г.* Идейная близость и сюжетно-композиционное родство антинигилистических романов Н.С. Лескова и «Анна Карениной» Л.Н. Толстого // Российское историко-культурное наследие. – 2013. – № 9–10. – С. 55–64.

28. *Андреева В.Г.* Наше восприятие романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и понимание его эпической сущности // Славянские чтения. – Кишинев, 2013. – Выпуск 2/8. – С. 117–128.

29. *Андреева В.Г.* Человек в житийной литературе и в русской литературе второй половины XIX века // Духовность, нравственность, патриотизм – основа единства страны. Материалы общественно-образовательного форума. – Кострома, 2014. – С. 29–33.

30. *Андреева В.Г.* Сюжетно-композиционные особенности романа А.Ф. Писемского «Мещане» // Духовно-нравственные основы русской литературы. – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – С. 58–61.

31. *Андреева В.Г.* Художественные соответствия и переключки романа М. Креницкого «Узкий путь» и романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: Материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. – Тула, Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2014. – С. 46–51.

32. *Андреева В.Г.* Драматические элементы и их роль в эпическом романе второй половины XIX века // Литература – театр – кино: проблемы диалога: коллективная монография. – Самара: Самарский университет, 2014. – С. 287–294.

33. *Андреева В.Г.* Православные основы и философская сущность русской реалистической литературы XIX века // Русская литература в судьбах отечественной культуры. Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар, Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств. – 2015. – С. 22–29.

34. *Андреева В.Г.* Роман А.К. Шеллера-Михайлова «Над обрывом» в контексте русской прозы 1860–1880-х годов // Духовно-нравственные основы русской литературы. – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 93–96.

35. *Андреева В.Г.* Мастерство художественного освоения Толстым находок русских второстепенных писателей: влияние романа «Жертва вечерняя» П.Д. Боборыкина на создание романа «Анна Каренина» // Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах: Материалы XXXV Международных Толстовских чтений / Отв. ред. Д.А. Романов, Н.А. Красовская. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2016. – С. 45–52.